

3. Миркина

Что такое любовь к врагам

Очень давно это было. Мне позвонила пятилетняя девочка, дочка моей подруги и сказала: тетя Зина, я заразилась от Иисуса Христа любовью к врагам. Я смотрела мультфильм про зайцев и волков. Волки гнались за зайцами и все утонули в озере. Мне стало очень жалко волков.

—А зайцев тебе не было бы жалко, если бы волки съели их? — спросила я.

—Д- - Да, жалко.

—Ну так как же быть?

Девочка задумалась. Я тоже. Так и возникла сказка «Белый заяц». Там есть девочка—волшебница. Она беседует с зайцами и одному зайцу, живущему в безопасном заячьем городе—рае, зайцу, который шумно радуется, что волкам плохо, а нам зайцам хорошо, вот этому зайцу она говорит: «Ты — злорадный. Ты можешь превратиться в волка. Дело в том, что зайцы не всегда остаются зайцами, а волки волками. Бывают и превращения». А другому зайцу, который очень жалел волков, она сказала: ты добрый, ты никогда в волка не превратишься. Но ты безответственный.

И тут выясняется, что такое ответственность. Это, оказывается, способность быть одновременно и в заячьей и в волчьей шкуре.

А как это?

Вот в этом-то, в ответе на этот вопрос все дело.

В сказке есть ответ. И в жизни есть. Эти ответы совпадают. Только в сказке все кончается хорошо, а в жизни иначе. В жизни есть великое страдание. Во всяком случае, вопрос о любви к врагам очень далёк от

прекраснодушия. Ответ на этот вопрос требует самого большого мужества, беспощадности к себе, внутренней собранности.

В наших беседах не раз приводился пример из жизни вл. Антония – о том, как он разговаривал с вымогателем, обещавшим переломать ему завтра все кости, если не получит от владыки 50 фунтов. – «Почему бы вам не сделать этого сейчас? – спросил Антоний. – Только имейте в виду, меня в армии учили драться и я могу сломать вам шею!»

Драка не состоялась. Бандит струсил. Но интересно представить себе одного из самых подлинных христиан, каких я знаю, вступающим в драку с бандитом.

Хорошо известен также другой пример: один прихожанин обвинил Антония в том, что он плохой христианин именно потому, что он готов бороться с врагами, а не отвечать им добром на зло.

Известно, что Антоний спросил этого человека, что он стал бы делать, если бы в его присутствии на его невесту напал бы бандит и стал бы валить ее?

– Я стал бы молиться, – ответил последовательный христианин.

–А если молитва не помогла бы?

– Я стал бы молиться, чтобы от этого злого дела не было бы дурных последствий.

–Знаете что, – сказал владыка, – на месте вашей невесты я поискал бы другого жениха.

Все это так. Настоящий христианин прежде всего настоящий человек, который вовсе не гладит по головке бандита. Нет. Это рыцарь, который всегда защищает обиженного, слабого, вступает в битву со злодеем, рискуя собственной жизнью.

Так в чем же любовь к врагам? И любит ли Антоний вымогателя, грозившего переломать ему кости? Или вора, укравшего из храма две иконы, а потом пришедшего исповедаться?

Антоний не стал его исповедовать, сказав: Ты хочешь и вором остаться и душу очистить. Так не бывает. Пойди и верни все украденное. И если тебя спустят с лестницы, скажи: Так мне и надо. Сейчас утро. Иди, и, сделав все к вечеру, приходи ко мне. Вор не пришел к вечеру. Пришел лишь на следующее утро, потому что слишком долго надо было возвращать украденное – украл много. Последними были иконы храма и он их принес.

Человек вырвал из себя вора. Вот что произошло. И вот это одно и нужно было Антонию.

В сказке о Белом зайце один волк превратился в Друга. В данном жизненном примере вор – в человека.

Это бесконечно трудно. Может быть, нет ничего труднее. И настоящий духовный пастырь только этого и добивается.

И у меня вызывают глубокое отторжение слова старца Тихона в «Бесах» Достоевского. Он говорит Ставрогину, что любит его и принимает его исповедь. Хотя исповедь эта вовсе не говорит об ужасе человека перед самим собой и очень далека от преображающего действия.

Нет, подобно Антонию поступает не знаменитый старец Тихон, а незаметная и тихая Соня Мармеладова, действительно любившая Раскольникову. И любовь к нему заставила послать его на площадь и покаяться перед всеми в своем страшном грехе. На каторгу пойти, но стать человеком. Раскольников, может, и был человеком, только очень запутавшимся человеком, в котором ум, логика задавили душу. Вот эту душу и хотела выгрести из-под развалин всех теорий христианка Соня. И только так она может любить убийцу своей подруги кроткой Лизаветы.

Заповедь о любви к врагам – самая трудная заповедь на свете. И прежде чем раскрыть весь ее смысл (как я его понимаю) хочу привести еще два примера. Первый пример судьба замечательного русского поэта, эмигрировавшего в Америку, Ивана Елагина. Я сейчас процитирую одно его стихотворение «Звезды», посвященное отцу.

Колыхались звездные кочевья.
Мы не засыпали у костра.
Шумные, тяжелые деревья,
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий,
Небо распахнул над головой,
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
Насмерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.

– Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести, как выпив,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!
Как бы ты ни маялся и где бы
Ни был, ты у Бога на пиру...
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.

И вот каково продолжение, если хотите, вторая часть этого стихотворения:

За окном – круги фонарной ряби.
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чертовом ухабе
Своротила в сторону судьба
Рукописи, брошенные на пол.
Каждый листик – сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждем еще, но всё нервнее курим,
Реже спим и радуемся злей.
Этот город тополей и тюрем,
Этот город слез и тополей.
Ночь. За папиросой папироса,
Пепельница дыбится, как ёж.
Может быть с последнего допроса
Под стеной последнею встаешь?
Или спишь, а поезд топчет версты
И тебя уносит в темноту...
Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
Голову поднять не вмоготу.

Хлынь война! Швырни под зубья танку,
Жерла орудийные тарашь!

Истаскало время наизнанку
Вечности принадлежащий плащ!

.....

Чей-то вздох из глубины подвала:
– Господи, услышим ли отбой?
Как тогда мне их недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой!
Сколько раз я звал тебя на помощь, –
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мертвые не помнят ни о чем.

Ну, а звезды. Наши звезды помнишь?
Нас от звезд загнали в погреба.
Нас судьба ударила наотмашь.
Нас с тобою сбילה с ног судьба!..
Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем.
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!
Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому что знаем: неба нет.

Я чувствую во второй части стихотворения вопль Иова. Первая часть – восприятие чуда Божьего мира. Такая сила и красота космического переживания, какая мало кому доступна. Это чистое открытое небу сердце и–

Глаза мы к небу не подыдем.

Потому что знаем: неба нет.

И вот в другом стихотворении вызов Богу, допустившему весь этот ужас, карающему ни за что:

Мы выстроим наш непутевый рай!

Наш дымный рай! Мы не хотим иного!

Останови! Разгневайся! Карай!

Нам по счетам выплачивать не ново!

Твоя цена не будет дорога.

Платили мы и всё сполна заплатим

За наше право убивать врага

И другу отвечать рукопожатьем.

(Подчеркнуто мной – З.М.)

Что ж, мы знаем, что Бог заговорил с Иовом, а не с его праведными друзьями. Бог понял и принял Иова, однако после того, как Иов увидел Его лицом к лицу, а не повторял правила, написанные в книге. «Да, боль твоя непомерна, – как бы сказал Бог, – но знаешь ли ты, что такое творческая сила и правда Творца, по образу и подобию которого ты создан?» У Елагина этого диалога с Богом нет. Но есть огромное сочувствие современному Иову и сердце читателя содрогается от его боли и его красоты.

Но вот я хочу привести рядом слова еще одного поэта. Не противопоставить, а поставить рядом слова другого Иова – Александра Солодовникова.

Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.
Мной не владеют больше вещи,
Всё затемняя и глуша,
Но солнце, солнце, солнце блещет
И громко говорит душа,
Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо, лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.
Не напрягая больше слуха,
Чтоб уцелеть в тревоге дня,
Я слышу всё томленье духа
С Екклезиаста до меня.
Спасибо, свет коптилки слабый,
Спасибо, жесткая постель.
Такую ласку дать могла бы
Мне только детства колыбель.

Если Елагин отстаивал право бить злодея, то Солодовников говорил уже о другом: как бороться с самим Злом. Это продолжение и углубление разговора. Истинный христианин не будет стоять, сложа руки, когда насилуют девушку. Он, конечно, защитит ее. Но сделав это, он ни на минуту не будет думать, что задача его выполнена. Он сделал то, что мог. Но это так немного! «Мир во зле лежит». И задача борьбы с самим Злом бесконечно глубока и трудна. Как выкорчевывать корни зла? Как сделать так, чтобы обрубленная голова дракона не выросла вновь?

Откуда взялся этот бандит? Почему ему хочется совершать зло? Чем оно привлекательно?

Не так давно я посмотрела фильм Глеба Панфилова по сценарию (и роману) Солженицына «В круге первом». Прекрасный фильм. Но вот что вдруг поразило меня: Вот перед нами два типа людей – жертвы и палачи. Конечно, мы на стороне жертв. Однако, что делать с палачами? Они отвратительны. Но как бороться с ними? Смести с лица земли? Убить, если хватит сил? А новые не вырастут?

Солженицын считал, что если вся Россия прочтет «Гулаг», то все зло тут же исчезнет. Ну вот, Россия имеет полную возможность читать «Гулаг». И – не хочет. Более того: Россия затосковала по Сталину...

Когда-то апостол Петр отрубил ухо стражнику, схватившему Христа и услышал: «вложи меч свой в ножны. Не мечом решается спор сей».

Не мечом? А чем?

Убив злодея, еще не убьешь Зла. Пока оно остается привлекательным, злодеи будут рождаться, как грибы после дождя. Все вновь и вновь.

Убить злодея, если можно остановить злодеяние, необходимо. Но как убить зло? Убить тягу к злодеянию?

Мы с Григорием Соломоновичем были знакомы с одним замечательным человеком – итальянским кинорежиссером и оператором одновременно. Его зовут Джоржио Фарнони. Это человек породы ангельской. И он был одержим идеей – понять, откуда берется Зло? Как можно ему противостоять? Он объездил чуть ли не полмира. Заработал в Африке гепатит, ездил, конечно, и по России, был в Магадане. Человек этот встречал новое тысячелетие, год двух тысячный вдвоем с двенадцатилетним сыном в... Освенциме. Он хотел, чтобы мальчик его знал, что мир, в котором мы живем, поражен страшной болезнью – дьявольской жестокостью. Об этом нельзя забывать. Ее надо искоренять.

Но как? Не мечом. «Вложи меч свой в ножны». Но как же?

Зло только проявляется на поверхности. Оно живет в глубине, в которую обычным более или менее благодушным людям совсем не хочется входить. Но если человек понимает, что необходимо войти в глубину, то прежде всего он входит внутрь себя. Увидеть себя. До конца. До дна.

«Имеющий глаза, да видит». Видит себя не таким, каким хочет казаться другим, а таким, каким ты являешься на самом деле. Доглядеть всего себя на просвет. Это и значит жить под взглядом Божьим. Иметь мужество так поглядеть и ужаснуться. Ибо ты увидел некую стену, отделяющую тебя от мира, от источника жизни, источника неистощимой любви. Увидеть и задрожать от желания сломать эту стену. Это и значит стать истинным духовным борцом. Увидеть врага прежде всего в самом себе, врага внутреннего и совсем другими глазами посмотреть на врагов внешних.

Решетка ржавая, спасибо!

Спасибо, старая тюрьма!

Оказывается, тюрьма может стать местом, отгораживающим тебя от всяческой суеты, местом духовной собранности и вглядывания внутрь. Разумеется, не обязательно и не очень-то желательно попадать в тюрьму, чтобы начать духовную работу. Но человек, который попал в тюрьму, не бьется ногами и руками о стены внешние, а вглядывается в стены внутренние, достоин великого уважения и даже преклонения.

Освобождаясь от суеты, обретая внутреннюю собранность, душа наша может открыть в себе резервуар великой радости и стать настоящим сотрудником Божьим, духовным борцом.

Над нами небеса тихи

И ждут, чтоб ты затих.

Бог не прощает нам грехи,

А вытесняет их.

Самим собой Податель сил

Одаривает всех.
И сколько Бога ты вместил,
Настолько убыл грех.

Для искоренения зла имеется только один способ: Любовь к Богу. Любя Бога, вмещая Его в себя, мы вытесняем из себя зло. И любовь к врагу – это любовь к Богу, живущему в твоём враге, также как и в тебе.

Когда к Христу привели грешницу, которую по закону иудейскому надо было побивать камнями, Он задал известный всем вопрос: «кто сам без греха? Вот только тот и может бросить в грешницу камень». Прежде всего – посмотреть в себя. Заменить внешнее действие внутренним. Как известно по притче, все разошлись, оставив женщину наедине со своей совестью. С ней остался только Тот, чья совесть была совершенно чиста. Но Он камня не бросил, предоставив ей самой возможность разбираться со своим внутренним врагом.

Грешница увидела перед собой человека без греха. Он сам и был путем, ведущим к искоренению зла. Он показал путь. А пойдешь ты или не пойдешь по этому пути, это уже внутреннее дело каждого. Сам Бог его за тебя не сделает. Только покажет тебе твои возможности. И большей помощи оказать нельзя. Только быть безгрешным. Это значит вносить свет в мир. Свет, при котором люди могут увидеть самих себя и преобразиться.

Работа по преображению мира начинается с самого себя. И великая помощь в этой работе появление рядом с тобой преображенного человека. Наша работа духовная это работа Любви. Насколько полно ты полюбил преображенного, настолько преобразился сам. А полная любовь это всегда готовность на жертву. Когда Христос встретил юношу, который жил праведно, выполняя все заповеди, Он полюбил его и сказал: «Теперь, брось все и иди за мной». Вот этого сделать юноша не смог. Нужно было быть готовым на жертву, отдать все, что у него было. Но у него оставалось

слишком много своего «я». Неважно, было ли это материальное богатство или другое «имение»: нужна была духовная нищета – это отказ от своего малого, отгороженного от мира «я» и полное доверие Тому, кто был един со всем миром, без каких-либо загородок, кто ничего своего не имел – никакого имения.

Подлинную любовь к врагам осуществил Христос, пойдя на распятие.

Сейчас мы подходим к самому трудному месту наших раздумий.

Почему Христос называется Спасом? Спасителем мира? Разве Он спас мир? Мир как лежал во зле, так и лежит до сих пор. Очень мало что изменилось. И все-таки Он сделал единственно возможное для изменения мира, для нашего преображения. И, может быть, отложил конец мира, который был очень близок во времена Римской империи. Духовная опустошенность дошла тогда до предела, и обожествляемый римлянами император поджег собственный город, чтобы вызвать в себе хоть какой-то интерес к жизни. Интерес к жизни вызывали, как известно, бои гладиаторов и другие кровавые зрелища. Мир духовного умирал. Был опустошен и обречен.

И вот в провинциальной Иудее появляется Человек. Сын человеческий (как Он сам называл себя) и показывает людям, что такое душа, наполненная жизнью вечной.

Его духовная мощь огромна. Он излучает великий свет и совершенную любовь.

Сначала за Ним идут толпы, пораженные Его силой и жаждущие чудес внешних, видимых. Но постепенно с Ним остается горстка тех, кто Его действительно любит. И эти еще не выросли в меру Его души. И эти еще не знают себя до конца. Вынести самое страшное, выпить чашу муки может только Он один.

Все разбежались, когда Его схватили. Петр трижды отрекся от Него, не говоря уж о предавшем Его Иуде. Иуда сам не вынес потом своего

предательства. Но речь сейчас не о нем, и даже не об остальных учениках, а о самом Иисусе.

Почему Он пошел на распятие? Почему Он отказался от предложения Петра, хотевшего избавить Его от страшной смерти? «Отойди от меня, сатана, не о небесном думаешь, а о земном».

Почему невинный должен был идти на казнь? Почему небесные законы этого требовали?

Хочу прервать прямые рассуждения сказкой, почти притчей.

Есть такая сказка о царевиче Сутасоме и людоеде Калмашападе, написанная по мотивам буддийских джатак. Это истории о разных воплощениях Будды. Одним из таких воплощений и был царевич Сутасома.

Это сказка о столкновении двух сил – внешней и внутренней, плотской и духовной, или другими словами – земной и небесной.

Людоед взял в плен царевича и должен был, изжарив его на костре, съесть. Но царевич попросил отпустить его на три дня, чтобы выслушать гостя – мудреца, приехавшего к нему издалека. Людоед рассмеялся, будучи уверенным, что царевич хитрит: «Кто же отпущенный, чтобы жить, вернется, чтобы умереть?» Но он отпустил Сутасому, желая доказать и себе и всем другим, что святых не бывает и этот тоже враль, как и все. Однако царевич вернулся через три дня, как и обещал. И дальше начался диалог двух моралей, двух взглядов на жизнь. Противостояние этих взглядов. Царевич совершенно не боялся смерти. У него в душе было что-то более ценное, чем земная жизнь и смерть тела. Этого абсолютно не понимал людоед. И это лишало его преимущества, лишало в конце концов силы. Обреченный на смерть царевич побеждал своего победителя. Сказка кончается преображением людоеда, полюбившего Сутасому. В жизни тоже было подобие такого диалога. Сражение двух моралей: Пилат и Христос.

– Ты царь Иудейский?

– Царство мое не от мира сего.

Христос был царем царства небесного. Царем, который владеет внутренним, духовным пространством. «Царство Божие внутри нас». Эта фраза мне кажется главной, определяющей все Евангелие. Царь внешний, земной владыка хочет подчинить себе других. Царь небесный никого не подчиняет себе. Он хочет только причастить всех своему свету и жизни вечной. Его могущество никого не угнетает, а напротив, освобождает в людях Дух – творящую жизнь силу. Эта сила не боится смерти.

Вот что совершенно не понятно земному владыке. Он считает себя высшей силой, но перед ним стоит человек, не боящийся его. Земной владыка может уничтожить Его тело, но есть что-то, чего он уничтожить не может.

Историческое христианство обросло мифологией. Мы постараемся сейчас пройти мимо мифа и обратиться к Тому, что Рильке называл Безграничной Действительностью. В этой Безграничной Действительности есть Человек, который пошел на величайшие муки, пошел добровольно, утверждая, что есть более высокие ценности, чем все земное благополучие.

Он утверждал, что Человек может быть творцом, а не только творением. Не марионеткой в руках внешней чуждой душе его силы, а тем, внутри которого эта сила живет. Он подчинен только внутреннему Владыке, который ближе Ему, чем даже его собственное тело. Царь внутреннего царства это человек без стен, без ограждений, не отделенный ни от чего и ни от кого в мире. Его, отдельного от всего живого – нет. Нет очерченного рамками эго. Есть безграничное Я, включающее в себя все живое. И в буддизме есть знание о таком Человеке – Царе внутреннего царства. Будда давал клятву, что не уйдет в нирвану (райское блаженство), пока на земле существует хотя бы один страдающий человек.

Русское христианское богословие игнорирует буддизм, совершенно не понимая его. Но души, открывшие свою последнюю глубину, непременно

встречаются на глубине этой и чувствуют свое таинственное и полное единство.

Готовность на распятие Христа и клятва Будды по сути одно и то же. Христос не мог благополучно существовать, пока мир во зле лежал. Мир не поверивший Ему, не полюбивший Его, Его убивает.

Он пришел в мир, чтобы показать путь к спасению – освобождение от греха.

Спасение возможно только в этом. Грех есть потеря контакта с собственной глубиной, говорил Антоний Сурожский. Потеря контакта с той глубиной, где все мы едины, потеря своей обособленности, отталкивающей другого. Мир не принял Его. Обращаясь со своей проповедью к грешникам, Он шел на великий риск. Если бы Его приняли, был бы счастливый конец, как в сказке о Белом Зайце, где Девочка–волшебница оставила свой рай и пошла проповедовать волкам. Ее проповедь противоположна волчьей природе. Она шла на риск быть съеденной волками, но оставить волков без благой вести не могла. И была бы съедена, если бы ни один волк ее не услышал, и не произошло бы преобразование. В сказке оно произошло.

И в жизни произошло нечто подобное, но уже после страшной смерти Иисуса. Любящие Его ученики были слабыми при Его жизни, но пережив с Ним Его муку, как бы сораспявшись Ему, обрели Его силу внутреннюю – вместили Его в себя. «Я умер. Жив во мне Христос», – сказал ап. Павел.

Сам же Иисус смертью смерть поправил, то есть показал, что есть сила Духа большая, чем смерть. Если бы ее не было, не было бы мира. Сила, созидаящая жизнь, разрушает саму смерть. И только верность этой созидательной силе может быть спасением миру. А сила эта может победить в мире только когда Ей причастятся ВСЕ. Когда мир будет представлять собою нечто Целое, Единое, а не состоящее из противоречащих друг другу и борющихся друг с другом частей. «Состоящее из частей подвержено разрушению. Трудитесь прилежно», – вот последние слова Будды.

Так вот, любовь к врагу означает понимание, что спастись от мирового зла можно только вместе. Твой враг – часть тебя и ты – часть него. Бог – во всех.

Любить Бога во враге – вот что значит любить врага.

И потому св. Силуан говорил, что тот, кто не любит врагов, в том числе врагов церкви, – не христианин. А Исаак Сирий молился даже за бесов. Но это очень отважная молитва. К сожалению, есть исключения – существа, в которых уже не присутствует Бог.

Когда Христос изгоняет бесов из бесноватого человека и отправляет их в стадо свиней, свиньи бросаются с обрыва и погибают. Это гибель безнадежных.

В фильме «Зеленая миля», фильм, который я очень люблю, есть святой негр, чудотворец, умеющий исцелять и воскрешать. И есть человек–дьявол. В него в конце концов святой выдыхает ту страшную смертоносную энергию, которую он вытянул из умиравшей женщины. «Это очень плохой человек», – с великой болью говорит святой, и это подобно тому, как Христос поступил с бесами. Думаю, что подобными людьми были Гитлер и Сталин.

Но если их приходится отсечь, то так, как отсекают больной член – с великой болью и без ненависти. Наша ненависть – убежище для злодея. Когда ему некуда деваться, он может вселиться в нас самих. Только любовь к Богу, бесконечно суровая к самому себе, доводящая человека до согласия на распятие, может привести к воскресению мира. Другого пути нет.

У очень любимого мной Клайва Льюиса, есть на мой взгляд, неудачный фантастический роман «Переландра». Там, как бы происходит заново доисторическое событие – на другой планете сатана собирается соблазнить Еву. Еве послан защитник – человек с Земли, который пытается отстоять будущую праматерь. Он хочет, чтобы искушение дьявола не подействовало бы, не привлекло бы Еву. Человек спорит с дьяволом. Но

дьявол побеждает в споре. И тогда человек срывается и начинает просто бить дьявола. Большого бессилия трудно себе представить. Это полное поражение. Плоть может бороться с плотью, а Дух только с Духом.

Такой победой Духа была молитва погибавшего в гетто еврейского праведника (цадика). Молитву эту не раз приводил Антоний и ею я хочу закончить свою беседу:

«В Дахау была найдена молитва неизвестного еврея, видимо хасида, написанная на клочке оберточной бумаги: “Да перестанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников... Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе... Прими во внимание добро, а не зло. Пусть мы останемся в памяти наших врагов не как жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них”». Эту молитву, напечатанную в «Зюддойче цайтунг», несколько раз вспоминал в своих проповедях вл. Антоний Сурожский. Оттуда мы и берем текст ее¹.

---

¹ Померанц Г.С., Миркина З.А. Великие религии мира. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. – С.66.